

РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА (на материале мемуарных очерков А. М. Горького)

Лаушкина И. П.

Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды

У статті проаналізовано стилістичну роль мовленнєвої характеристики героїв мемуарних нарисів О. М. Горького. Мовленнєвий портрет героя створюється письменником з орієнтацією на достовірність, значущість, неповторність і підкоряється стратегії автора щодо розкриття характеру персонажа.

Ключові слова: літературний портрет, мовленнєва характеристика, образ автора, діалог, персоналізація, вислів, що аргументується.

В статье анализируется стилистическая роль речевой характеристики героев мемуарных очерков А.М. Горького. Речевой портрет героя создается писателем с ориентацией на достоверность, значимость, неповторимость и подчиняется авторской стратегии раскрытия характера персонажа.

Ключевые слова: литературный портрет, речевая характеристика, образ автора, диалог, персонализация, аргументирующее высказывание.

Stylistic role of the characters' speech in A. M. Gorky's memoir essays is analyzed in the presented article. The character's speech portrait is created focusing on his reliability, significance, uniqueness and submitted to the author's strategy of revealing the person's nature.

Key words: literary portrait, speech characteristics, image of author, dialogue, personalization, reasoning

Мемуарно-публицистические произведения обладают огромным информационно-эстетическим потенциалом, особенно это относится к литературному портрету – уникальному синкретичному жанру, позволяющему читателю получить информацию не только о портретируемом персонаже, но и о духе эпохи, а также о самом авторе. Интерпретация текста, особенно художественно-публицистического, не может быть проведена без анализа авторской позиции (см. работы В. Виноградова, М. Бахтина, У. Бута, В. Одинцова, М. Кожевниковой, М. Брандес, А. Васильевой, Г. Солганика, А. Гулака).

Структура каждого мемуарного очерка Горького, подчиняясь закону внесюжетности, специфична и уникальна.

Цель статьи – проанализировать стилистические характеристики речевых портретов – важнейших структурных компонентов образов. Характеристика персонажа в мемуарных очерках создается автором с ориентацией на достоверность. В то же время образы героев изображаются через субъектную призму автора, а их характеристики (портретные, психологические, речевые и др.) подвергаются эмотивно-авторской оценке.

А. М. Горький может вводить в литературный портрет (ЛП) информацию о герое, необходимую для понимания его характера, данную другими героями (психологический портрет, составленный из смеси мнений). Так непосредственно, эмоционально описывает встречу с Блоком барышня с Невского: *“Потом вдруг проснулась, вижу: он сидит напротив, держит голову в руках, облокотясь на стол, и смотрит на меня так строго – ужасные глаза! Но мне – от стыда – даже не страшно было, только подумала: “Ах, боже мой, должно быть, музыкант! Он – кудрявый”* [5, с. 246]. Душевное состояние героини отражается в её взгляде: *“И действительно, на её курносом, задорном лице, в плутоватых глазах бездомной собачонки мелькнуло отражение сердечной печали и обиды”* [5, с. 247]. Плутоватые глаза

героини, уподобляясь глазам бездомной собачонки, не утрачивают человеческого выражения грусти (лексические указатели семантического поля *печаль* – отражение “*сердечной печали и обиды*”). Метафоры, включающие опорные лексемы *глаза*, *взгляд*, позволяют автору индивидуализировать портреты героев, актуализировать внимание на особенностях их речи, сделать описание поэтическим и запоминающимся. Ср. в ЛП “Лев Толстой”: “*Сила слов его (Л. Толстого) была не только в интонации, не в трепете лица, а в игре и блеске глаз, самых красноречивых, каких я видел когда-либо. У Л. Н. была тысяча глаз в одной паре*” [5, с. 84].

Литературные портреты разделяются на части, стилистико-композиционные составляющие которых или определяют относительную завершенность ретроспективной характеристики персонажа (“Сергей Есенин”, “В. Г. Короленко”, “Леонид Андреев”), или отдельными мазками очерчивают постоянные свойства характера персонажа (“М. Коцюбинский”, “М. Вилонов”), или способствует созданию психологического портрета (“Лев Толстой”), или имеют полемическую заостренность, защищая светлый образ писателя и близких ему людей (“А. П. Чехов”; “О С. А. Толстой”). Рассмотрим, например, характеристику-описание писателя Леонида Андреева, относящуюся к швейцарскому периоду его жизни и творчества: “*Через несколько месяцев мы встретились в Швейцарии, в Монтре. Леонид издевался над жизнью швейцарцев.*

– Нам, людям широких плоскостей, не место в этих тараканьих щелях,
– говорил он.

Мне показалось, что он несколько поблек, потускнел, в глазах его остеклело выражение усталости в тревожной печали. О Швейцарии он говорил так же плоско, поверхностно и то же самое, что издавна привыкли говорить об этой стране свобододолюбивые люди из Чухломы, Конотопа и Тетюш...

Еще в России, слушая рассказы о юноше Уфимцеве и товарищах его, которые пытались взорвать икону Курской богородицы, – Андреев решил обработать это событие и повесть...

Мне было грустно и досадно видеть, что Андреев исказил этот характер, ещё не тронутый русской литературой, мне казалось, что в повести, как она была задумана, характер этот найдёт и оценку и краски, достойные его. Мы поспорили, и, может быть, я несколько резко говорил о необходимости точного изображения некоторых – наиболее редких и положительных – явлений действительности.

Как все люди определённо очерченного “я”, острого ощущения своей “самости”, Л.Н. не любил противоречия, он обиделся на меня, и мы расстались холодно” [5, с. 132–133].

Содержательно-фактуальная информация заключается в предложении с семантикой точной констатации события (последняя встреча Андреева с Горьким состоялась накануне Февральской революции). М. Горький и Л. Андреев по-разному оценивали людей, втянутых в революционную борьбу, и здесь прежде всего исток их расхождений и последующего охлаждения дружеских отношений двух писателей. А. М. Горький мастерски воспроизводит глубоко психологический портрет писателя Леонида Андреева в точно указанный отрезок времени, составленный из описания его внешнего вида, психологического состояния, его речевой характеристики, характеристики творческой деятельности. Основу данного отрывка составляет комбинированная качественно-динамическая рематическая доминанта, при основной теме (Леонид Андреев) и сопутствующей теме (автор).

В ЛП реплики героя могут составлять ядро литературно-портретной характеристики персонажа, поскольку реплики диалога являются удобной формой для выражения нравственных понятий, социальной психологии, мировоззренческих позиций. В аналитический монолог внимательного собеседника-психолога включаются реплики героя, отдельными штрихами “создающие” портрет языковой личности. Здесь не важны ответные реплики автора (героя), прямые реплики персонажа являются экспликацией определённых черт его характера.

Реплики великого Л. Н. Толстого тематически разнонаправлены, зачастую предельно информативны, семантически разнообразны и отражают взгляды писателя на различные стороны человеческого бытия. Ср. в ЛП “Лев Толстой”:

1) *“Наука – слиток золота, приготовленный шарлатаном- алхимиком”* [5, с. 61]. Это меткое определение Толстого, которое можно отнести к афоризмам, приводится без авторских комментариев и каких-либо указаний на коммуникативную ситуацию.

2) *“Чехову, по телефону. Сегодня у меня такой хороший день, так радостно душе, что хочется, чтоб и вам было радостно. Особенно – вам! Вы очень хороший, очень!”* [5, с. 65]. Реплики Толстого выражают позитивные эмоции (он хочет поделиться радостью бытия с коллегой – писателем А. Чеховым). Они насыщены оценочными эпитетами (*хороший, радостно*), а эмотивное наречие *очень* акцентирует внимание читателя на высокой оценке Толстым человеческих качеств Чехова.

А.М. Горький воспроизводит и диалоги с открытыми репликами, т. к. полный диалог позволяет читателю следить за диалектикой мысли писателя. В ЛП “А. П. Чехов”: “восстанавливается” беседа А. П. Чехова с одним из учителей: *“Помню, один учитель – высокий, худой, с жёлтым, голодным лицом и длинным горбатым носом, меланхолически загнутым к подбородку, – сидел против Антона Павловича и, неподвижно глядя в лицо ему чёрными глазами, угрюмо басом говорил:*

– Из подобных впечатлений бытия на протяжении педагогического сезона образуется такой психический конгломерат, который абсолютно подавляет всякую возможность объективного отношения к окружающему миру. Конечно, мир есть не что иное, как только наше представление о нём...

Тут он пустился в область философии и зашагал по ней, напоминая пьяного на льду.

– А скажите, – негромко и ласково спросил Чехов, – кто это в вашем уезде бьёт ребят?

Учитель вскочил со стула и возмущенно замахал руками:

– Что вы! Я? Никогда! Бить?

И обиженно зафыркал.

– Вы не волнуйтесь, – продолжал Антон Павлович, успокоительно улыбаясь, – разве я говорю про вас? Но я помню – читал в газетах, – кто-то бьёт, именно в вашем уезде...

Учитель сел, вытер вспотевшее лицо и, облегчённо вздохнув, глухим басом заговорил:

– Верно! Был один случай. Это – Макаров. Знаете – не удивительно! Дико, но – объяснимо. Женат он, четверо детей, жена – больная, сам тоже – в чахотке, жалованье – двадцать рублей... а школа – погреб, и учителю – одна комната. При таких условиях – ангела божия поколотить безо всякой вины, а ученики – они далеко не ангелы, уж поверьте!” [5, с. 7].

Речь учителя в конце становится человечески живой, эмоционально взволнованной, прерывистой, убедительной. Чехов корректирует русло беседы, обречённой на коммуникативную неудачу, поскольку теряется логика изложения в речи учителя из-за непонимания сути философских проблем (лексические указатели – словосочетания с нарушением лексической сочетаемости “впечатления бытия”, “на протяжении педагогического сезона образуется такой психический конгломерат”). Тактика чеховского поведения раскрывается в комментариях автора и в речи писателя, семантическим центром которых являются слова семантических полей *ласковый* и *спокойный*: *негромко и ласково спросил, продолжил, успокоительно улыбаясь; не волнуйтесь.*

Речевой портрет героя в произведении литературно-словесного искусства, особенно мемуарно-публицистическом, возникает на основе речевой персонализации, индивидуализации действующего лица (с помощью любимых слов персонажа, диалектизмов, жаргонизмов, специфического синтаксиса, произношения) с его одновременной типизацией, т. е. социальным обобщением речевой манеры персонажей, участвующей в раскрытии идейного содержания произведения (см. работы В. Барахова, А. Домашнева, В. Кухаренко). Введение речевой

характеристики Короленко позволяет раскрыть проницательную натуру писателя – демократа, чуткого, но строгого учителя. Ср. в ЛП “Из воспоминаний о В. Г. Короленко”: *“В.Г. был спокоен и удивительно прост. Перелистывая мою рукопись на коленях у себя, он с поразительной ясностью, образно и кратко говорил мне о том, как плохо и почему плохо написал я мою поэму... Мне крепко запомнились его слова:*

– В юности мы все немножко пессимисты – не знаю, право почему. Но кажется – потому, что хотим многого, а достигаем – мало...

Меня изумило тонкое понимание настроения, побудившего меня написать “Песнь старого дуба”, и, помню, мне было очень стыдно, неловко пред этим человеком за то, что я отнял у него время на чтение и критику моей поэмы. Впервые показал я свою работу писателю и сразу имел редкое счастье услышать чёткую, уничтожающую критику.

Повторяю – меня особенно удивила простота и ясность речи В. Г.: люди, среди которых я жил, говорили туманным и тяжёлым языком журнальных статей” [5, с. 145].

Тактичность, внутреннюю культуру, психологическую зоркость демонстрирует реплика Короленко, который говорит о типичных ошибках людей творческих. Угроза коммуникативной неудачи устранена (позиции адресата и адресанта не противопоставляются) – Короленко понимает молодого писателя, но ни в коем случае не хочет его обидеть. Краткий “завуалированный” намёк на особенности содержания поэмы “Песнь старого дуба” прокладывает путь к взаимопониманию, автор-рассказчик анализирует свои чувства и впечатления с глубоким психологизмом (маркеры – номинации психологического состояния: метафорические определения – “тонкое понимание; чёткую, уничтожающую критику”; глагольные метафоры – “отнял время, имел редкое счастье”; глаголы и слова категории состояния – “изумило, было очень стыдно”). Автор-повествователь (он же писатель) с благодарностью и тёплым чувством принимает советы учителя, поданные в тексте как отдельные реплики, выраженные императивными личными и безличными конструкциями. Ср. далее:

– “Архипа и Лёньку” напрасно напечатали в “Волгаре” – это можно бы поместить в журнал, – говорил он.

– Вы чересчур увлекаетесь словами, нужно быть более скупым и точным.

– Не прикрашивайте людей...” [5, с. 146].

Содержательно-концептуальная информация в ЛП “Из воспоминаний о Короленко” вводится в текст в форме выводов – обобщающих характеристик (маркеры положительной качественной характеристики – краткие и полные прилагательные и повторяющееся наречие – слово с количественной семантикой – “много”): *“Его советы и указания всегда были кратки, просты, но это были как раз те указания, в которых я нуждался. Я много получил от Короленко добрых советов, много внимания, и если в силу разных неустранимых причин не сумел воспользоваться его помощью – в том моя вина и печаль” [5, с. 146].* Перцептивная линия повествования движется к более широким и масштабным обобщениям мемуариста-философа, который размышляет о значении деятельности В. Г. Короленко. Семантическим концептуальным центром авторских размышлений является оценочная метафора-приложение – “писателя В. Г. Короленко, человека с большим и сильным сердцем”: *“Верю, что он построит её так, как найдёт удобным для себя, и знаю, что в этой великой работе строения новой России найдёт должную оценку и прекрасный труд честнейшего русского писателя В. Г. Короленко, человека с большим и сильным сердцем” [5, с. 147].*

В полемически заострённых очерках речевая характеристика персонажа может отсутствовать, а основную концептуально-семантическую нагруженность несут аргументирующие высказывания автора (см. ЛП “О С.А. Толстой”). Внутренний диалог автора построен по риторическому принципу: ложные тезисы-утверждения (Т1, Т2) опровергаются авторскими аргументами (А1, А2, А3): *“Указывают, что жена Льва Толстого,*

отрицавшего собственность, не должна была мешать мужикам грабить его усадьбу (Т1). Но ведь на этой женщине лежала обязанность оберегать жизнь и покой Льва Толстого, он жил именно в Ясной Поляне, и она давала ему наибольшее количество условий привычного и необходимого покоя для работы его духа (А1). Покой был тем более необходим ему, что он жил уже на последние силы свои, готовый отломиться от мира. Ушёл он из Ясной Поляны только через пять лет после этих дней (А2).

Проницательные люди могут вообразить, что здесь скрыт грубый намёк: Лев Толстой, революционер, анархист, должен был уйти или лучше бы сделал, если б ушёл из усадьбы именно тогда, во время революции (Т2). Разумеется, такого намёка здесь нет, то что я хочу сказать, я говорю открыто.

По моему мнению, Льву Николаевичу Толстому вообще и никогда не следовало уходить, а те люди, которые помогали ему в этом, поступили бы более разумно, если б помешали этому. Уход Толстого сократил его жизнь, ценную до последней её минуты, – вот неоспоримый факт (А3)” [5, с. 104–105]. Композиционно авторская речь строится по принципу контраста, семантической основой которого является противопоставление поведения жены писателя и его окружения – как оно толкуется в прессе и как его истолковывает М. Горький. Семантическим центром является тема ухода Толстого из Ясной Поляны. Автор даёт чёткие характеристики происходящему: определение *проницательные люди* имеет саркастический оттенок, равно как и отглагольное существительное “уход”, взятое в кавычки, как бы заимствованное из падкой на сенсации прессы.

Доминирующие мотивы положительных человеческих качеств, переплетаясь и взаимодействуя, проходят через все литературные портреты Горького, воплощаются в образах его героев и во многом определяют концептуальное звучание этих произведений.

Нередко А. М. Горький, цитируя героя, комментирует его реплики. Ср. в ЛП “Лев Толстой”: “Однажды он (Лев Толстой) спросил: “Вы любите меня, А. М.?”

Это – озорство богатыря: такие игры играл в юности своей Васька Буслаев, новгородский озорник. “Испытует” он, все пробует что-то, точно драться собирается. Это интересно, однако – не очень по душе мне. Он – чёрт, а я ещё младенец, и не трогать бы ему меня” [5, с. 65]. Определительная конструкция *озорство богатыря* ... имеет сравнительное значение и указывает на удивительную черту характера Толстого – испытателя.

А. М. Горький нередко актуализирует в тексте образную характеристику своего героя. Повторяясь в тексте и интегрируясь им, она приобретает особое концептуальное звучание. Ср. в ЛП [Л. А. Сулержицкий]: “Двенадцати лет Сулер начал рисовать, ему особенно удавались птицы, впоследствии он рисовал их, как японцы...” [5, с. 46]. Сам Сулержицкий с восхищением описывает поведение воробьев: “Я всегда с удивлением смотрел на этих крошечных храбрецов, – как они живут в страшном хаосе жизни! И я уверен, что именно от них воспринято мною упрямство в борьбе за себя, за то, что я любил...” [5, с. 45–46]. Самохарактеристика героя, уподобляющего себя мужественному воробью, перекликается с авторской характеристикой-уточнением: “он напомнил какую-то другую, свободолюбивую птицу хорошего лёта”. Подобные образные определения-уподобления героев литературных портретов, повторяющиеся и рассредоточенные по всему тексту, представляют собой особые описания, имеющие в основе характерологические детали-признаки (Лев Толстой уподобляется Богу; Михаил Коцюбинский – редкому цветку, ласковой звезде; Сергей Есенин – органу, “созданному природой исключительно для поэзии...”).

Речевые характеристики героев, гармонично вплетаясь в стилистическую палитру словесных портретов, позволяют создать незабываемые образы неординарных личностей, знаменитых писателей. Дальнейшее изучение стилистических особенностей публицистического наследия писателя должно вестись в направлении комплексного исследования стилистически актуализированных речевых средств.

Литература

1. Барахов В. С. Литературный портрет / В. С. Барахов. – Л. : Наука. Ленигр. отд-ние, 1985. – 312 с.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи [учеб. пособие для филол. спец-тей ун-тов и пед. ин-тов; послесл. акад. Д. С. Лихачева] / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1971. – 240 с.
3. Калашникова Г. Ф. Язык и стиль литературного портрета “В.И. Ленин” А. М. Горького / Г. Ф. Калашникова // Русский язык в школе. – 1970. – № 2. – С. 32–38.
4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста : Уч. пособ. – [2-е изд. перераб]. / В. А. Кухаренко. – М. : Просвещение. 1988. – 192. с.

Источники иллюстративного материала

5. Горький А. М. Собрание сочинений в 18 тт. / А. М. Горький. – М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1963. – 396 с.